

DOI: <http://dx.doi.org/10.15688/jvolsu4.2014.4.5>

УДК 39(091)

ББК 63.5

«ТЕРРИТОРИЯ ДЕТСТВА» В ПРОСТРАНСТВЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛАХ СТАЛИНГРАДСКОЙ БИТВЫ)¹

Рыблова Марина Александровна

Доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник,
Южный научный центр РАН
ryblova@mail.ru
просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В статье представлена история развития проблемы «дети и война» и сформулированы задачи ее дальнейшего антропологического исследования. На материалах воспоминаний тех, чье детство пришлось на период Сталинградской битвы, в статье дается общее определение «военного детства», выявляются его возрастные границы, выделяются основные возрастные группы внутри страты детей, оценивается их положение (статусы, функции, риски) в условиях войны, выявляются особенности детского восприятия войны и механизмы адаптации детей к условиям жизни в период Сталинградской битвы.

Ключевые слова: антропология военного детства, условия формирования и специфика «детской территории» в пространстве войны, границы возрастных групп, особенности детского восприятия войны, детские стратегии и практики выживания в условиях войны.

Военное детство: историография, источники, исследовательское поле

Предлагаемый нами взгляд на проблему «дети и война» фокусируется на стыке тем: антропологии экстремальных ситуаций (войны, катастрофы) и антропологии возраста (детства). Многолетние исследования этнологов, культурологов, психологов и со-

циологов показали, что детство представляет собой изменяемый во времени и пространстве социокультурный конструкт, в механизме формирования которого принимают активное участие и сами дети, и взрослые (семья, социальные институты, государственные учреждения). Но совершенно очевидно, что в период войн и в других кризисных условиях мир детей и вся система вза-

имоотношений «взрослые – дети» претерпевают серьезные трансформации. И в период тяжелейших испытаний периода Великой Отечественной войны в обществе формировались новые, связанные с экстремальностью ситуации, отношения к детям, требования к ним и ожидания от них. Представляется важным выяснить, как реагировал и сам мир детства на экстремальные ситуации повседневности, какие включал механизмы самосохранения и выживания; выявить особенности детского восприятия войны. Эти и другие вопросы определяют проблематику «детской территории» в условиях войны и шире – антропологии военного детства, рамки которого еще не определены, а сама тема нуждается в основательной проработке.

Первые исследования по проблеме «дети в Великой Отечественной войне» начали отечественные историки. Находясь в условиях крайней идеологизированности гуманитарных исследований, они изучали вклад детей в дело борьбы с фашистами (работа в тылу, участие в партизанских отрядах и пр.), то есть те ситуации, в которых дети уподоблялись взрослым, копировали их формы поведения [5; 31; 35; 38 и др.]; или же выделяли сюжеты, в которых дети выступали в качестве жертв войны, но и в этих исследованиях само детство оставалось в стороне, поскольку его затмевали образы государственных и партийных учреждений, бравших на себя заботу и попечение о детях [7; 44 и др.].

В конце XX – начале XXI в. исследовательское поле историков Второй мировой и Великой Отечественной войн значительно расширилось, изменились оценки ранее выделенных проблем и ситуаций, связанных с детьми военной поры [32; 33; 47 и др.]. С начала 2000-х гг. стали активно разрабатываться историками и проблемы детской памяти о Великой Отечественной войне, которая стала связываться исследователями с пластичным конструированием образов прошлого [2; 4; 42 и др.]. В полном же объеме феномен военного детства отечественными исследователями до сих пор не рассматривался; остаются не определенными его границы и специфические черты, не выявлены

способы его социокультурного конструирования. Однако накопленный опыт исследований как войны, так и детства, показал, что в настоящее время в условиях методологического плюрализма наиболее перспективным для изучения проблемы «дети и война» представляется именно историко-антропологический подход, позволяющий перенести центр внимания на сам феномен военного детства.

С 1990-х гг. проблема «дети и война» стала активно обсуждаться и в Германии; здесь начались исследования положения детей в условиях Третьего рейха и Второй мировой войны [48; 52 и др.]. В рамках последней немецкие ученые и писатели обычно представляли детей в качестве безвинных жертв войны в целом и советской оккупации, в частности [49; 53 и др.]. Однако начиная с 2000-х гг. в немецкой историографии наметился выход за рамки изучения вызванных войной детских психопатологий, стали исследоваться различные формы осознания детьми войны и преодоления военного насилия собственными детскими способами (например, с помощью игр, сказок и пр.) [34; 51]. Наряду с историками и антропологами здесь проблемы военного детства изучали также психологи [50]. В целом зарубежные исследователи в настоящее время активно выходят за пределы темы детей как пассивных жертв войны. В частности, Пол Ричардс считает, что подвергавшиеся насилию дети были в то же время активными участниками событий и вырабатывали собственные стратегии и тактики выживания «в поле предписаний, диктуемых войной» (цит. по: [6]).

Именно в рамках такого подхода были осуществлены исследования, некоторые результаты которых будут представлены в этой статье. Они основаны на анализе 200 воспоминаний тех, чье детство пришлось на время одного из самых разрушительных и кровопролитных сражений в мире – Сталинградской битвы (информанты 1928–1938 годов рождения). Эти материалы были собраны в 2014 г. преподавателями и студентами ВолГУ и сотрудниками ЮИЦ РАН. Опрос осуществлялся по заранее подготовленным вопросам, главной целью которых было сориентировать наших информантов не столько на вспоминание битвы, свидетелями которой им довелось

быть, сколько на восстановление состояния детскости и детства, прошедшего в условиях войны. Широко использовались для определения и характеристики «территории военного детства» и уже опубликованные источники, относящиеся ко времени Сталинградской битвы [1; 3; 36; 45; 46].

В рамках одной статьи невозможно осветить все аспекты большой темы, определяемой как антропология военного детства. Мы предполагаем дать определение военному детству, выявить его возрастные границы, выделить основные возрастные группы внутри страты детей, оценить их положение (статусы, функции, риски) в условиях войны и выявить особенности детского восприятия войны.

Военное детство: границы и специфика

Особенно наглядно признаки военного детства выявляются на фоне воспоминаний о детстве довоенном, которое всплывает в памяти наших информантов зачастую фрагментарно, но всегда окрашено в яркие и светлые тона. Во многом это объясняется влиянием субъективного фактора, самим фактом пребывания в счастливой полосе детства, но есть тому и объяснения, связанные с реалиями того времени. Исследователи советской семьи утверждают, что с 1930-х гг. в городской среде на смену большой патриархальной семье пришла малая (так называемая нуклеарная) семья с относительно демократичными и равноправными отношениями между супругами, главным центром которой был уже не отец-«патриарх», а будущее новой страны – дети (см.: [40]).

Вместе с тем в довоенное время государство все чаще вмешивалось в процесс воспитания детей, нередко отодвигая семью на второй план. В новых условиях изменялось (в сравнении с традиционной сельской дореволюционной семьей) положение детей в семье, выполняемые ими функции. Так, если патриархальная крестьянская семья была озабочена подготовкой детей к участию в производстве (то есть в ее хозяйственной жизни) и воспроизводстве (создание семьи, деторождение), то советская семья значительно расширила первое понятие, выводя его далеко за

рамки семьи, и сужала второе. Активное вмешательство в семейную жизнь государства и перекодировка всей прежней системы ценностей приводили к тому, что роль семьи в социализации детей значительно сокращалась. И если традиционная семья посредством отлаженного механизма социализации (предписаний и запретов, обрядовой практики) готовила детей к жизни в суровых условиях крестьянского быта с нередкими экстремальными ситуациями голода, эпидемий и пр., то советская семья (во всяком случае, в официальном дискурсе) должна была ориентировать детей в большей степени на «счастливое будущее» – не всегда гарантированное и обеспеченное, но активно провозглашаемое. В этом отношении советские городские дети довоенной поры были подготовлены к возможным экстремальным ситуациям гораздо хуже сельских, несмотря на практикуемые военно-спортивные игры, пионерские лагеря, нормы ГТО и пр.

Именно сравнение детских воспоминаний о довоенном и военном времени показывает со всей очевидностью, каким непомерным испытанием стало для городских детей пребывание в пространстве войны. Конечно, тенденция к установлению семейного детоцентризма неодинаково проявлялась в разных слоях советского общества, но в собранных нами воспоминаниях она прослеживается довольно отчетливо: *«А игрушки мне, наверное, папа покупал. Он вообще меня баловал. Вот фото, где мы с папой, оно сделано, когда все Управление КГБ каталось на прогулочном пароходике. Мама рассказывала, что там приключилась такая история. Я непременно захотела погудеть на пароходике. Как меня ни отговаривали, я никак не соглашалась. Ну, тут папа взял меня на руки, полез на капитанский мостик и стал просить, чтобы тебе дали погудеть. Вот можете себе представить, как отец нас баловал... Детей баловали очень, они были “пупом земли”. Знаю, что трехколесный велосипед, санки были у нас. Каждые выходные мы ходили на Волгу купаться всей семьей»* [20]; *«У нас в семье не было принято, чтобы бить детей! Наказывали, ругали, но и поощряли. К праздникам всегда какие-нибудь обновочки. Все-*

гда какой-нибудь подарочек обязательно есть. Мне мама сама шила платья всякие. Это все было хорошо...» [10]. И даже если, по определению самих информантов, их в детстве не баловали, дальнейшая конкретизация воспроизводит картину, очень далекую от норм традиционной патриархальной семьи и вполне иллюстрирующую понятие детоцентризма: «Нас не баловали, очень было все скромно, мама все готовила, папа приходил с работы и играл с нами, возил нас на спине, катал по комнате, всегда занимался с нами. Жили мы очень хорошо...» [27].

Детоцентризм городских семей во многом сохранялся и в период Сталинградской битвы, когда родители (в первую очередь матери) предпринимали поистине героические усилия для сохранения жизни и здоровья своих детей, но вместе с тем в рамках семьи на детей возлагались не характерные ранее функции: добыча пропитания и воды (нередко под сплошным неприятельским огнем), забота о младших детях, сооружение укрытий и пр.: «Мои обязанности были: за хлебом в очереди стояла, килограмм хлеба давали. Стоишь в очереди ночью, если я принесла меньше трех килограммов, то мне и хлеба не давали. У мачехи было трое детей, да нас еще трое было. Так что никакого детства и не было. Я уже взрослая была. С меня требовали так же, как с мужика. Мужиков не было, одни дети и бабы на заводе работали. Мы работали, лес перетаскивали. Воды не было, с Волги воду таскали, чтобы накормить всех или еще для чего. Все это делали вручную, тяжелый труд был, очень тяжелый» [14].

Что касается государства, то, снимая с родительских плеч многие заботы по социализации детей и возлагая их на официальные органы и структуры в довоенное время, власти во многом продолжили эту линию и с началом войны. Однако справлялись они с задачей спасения детей в новых условиях далеко не всегда. Более того, дело спасения детей во время войны нередко отодвигалось в сторону проблемами сохранения средств производства, квалифицированной рабочей силы и способной к военной службе молодежи. Так, М.Н. Потемкина на примерах Москвы, Челябинска и Ленинграда показала, как нередко дети станови-

лись жертвами плохо организованной эвакуации [39]. Но еще тяжелее было положение тех, кто не был эвакуирован и оказался непосредственно в зоне ведения боевых действий. Именно в такой ситуации находилось большинство сталинградских детей. Накануне страшной августовской бомбардировки 1942 г. из города были эвакуированы семьи находившегося на фронте командно-политического состава, советских партийных руководителей и активистов, в то время как эвакуация основной массы населения и оборонных заводов была запрещена лично И.В. Сталиным, считавшим, что эта акция может снизить обороноспособность защищавших город войск [37, с. 165].

Очень интересно рассуждение одного из наших информантов, отметившего вклад официальных органов в новое определение понятия детства в условиях войны: «Когда началась война, то было постановление правительства. Буквально процитирую: что те мужчины и женщины, подчеркиваю, мужчины и женщины, достигшие 16 и 60 лет соответственно, подлежат мобилизации на трудовой фронт. Вот тут вопрос! Мужчины и женщины в шестнадцатилетнем возрасте – это кто такие? Это дети! Вот, и, согласно этого постановления, – взрослые...» [23].

Если же обратиться к тому, как определяли свое военное детство наши информанты, то они отмечали либо его полное аннулирование («сгоревшее детство», «детства не было, юность голодная», «детство, которое поглотила война», «я родом не из детства – из войны»), либо произошедшие трансформации («страшное, жуткое детство», «тяжелое детство», «наше детство, в общем-то говоря, было очень серьезным»).

Отмечают наши информанты и сокращение периода детства за счет резкого смещения верхней его границы, означающего более раннее взросление: «Мне кажется, что все дети тогда были очень мудрыми, потому что это стремление выжить заставляло детский ум иначе работать. Мне кажется, что я все время взрослая была, потому что знала, что это нужно делать. Например, что все придут с работы, их надо накормить. Взросление становилось в зависимости от ситуации, обстановки. Как только

я вышла из детского садика, я почувствовала себя взрослой» [19]; «Мне шел седьмой год, но я чувствовала себя взрослой. Мама оставляла меня с сестренкой, когда объявляли воздушную тревогу» [45, с. 242]; «Возраст детства в войну – до пяти-шести лет. Все работали, а я была в этом возрасте уже нянька сестре и брату» [20].

Фиксируется в воспоминаниях и вполне «физическое уничтожение» детства накануне войны посредством подпольных абортов: «А еще до войны жена моего брата и моя сестра, видно, уже слышали о надвигающейся войне, сделали аборты. Раньше это было запрещено, и от подпольных абортов многие умирали, вот и жена моего брата умерла и оставила пятерых детей. А у Астраханского моста много таких женщин хоронили. Ведь их, когда привозили на «скорой», им сразу операцию не делали, а сидел следователь и спрашивал, у кого это женщина сделала аборт, но никто, конечно, не признавался. И многие умирали [21]». По свидетельству наших информантов, и в послевоенное время нередкими были случаи, когда матери бросали новорожденных детей: «Когда я начала после войны работать в 1-м отделении связи, там был Дом малютки. Построили его, потому что многие бросали детей. Не на что воспитывать было. Некоторые голодали, травку ели [13]».

Широко фиксируется в воспоминаниях и процесс свободного и сознательного передвижения границы возрастных групп в зависимости от конкретной ситуации. Так, возраст могли приписать; такие практики использовались, например, для того, чтобы стать «сыном полка»; или, наоборот, уменьшить, чтобы избежать отправки в Германию. В целом нашими информантами выделяются следующие рубежи взросления в военное время: «как только я вышла из детского садика», «как пошел в школу», «сразу, как началась война».

Таким образом, в годы войны произошло существенное изменение границ детства в сторону резкого сокращения его продолжительности. Экстремальность ситуации приводила к тому, что мир взрослых ожидал, а иногда и требовал от детей резкого взросления, выполнения сугубо взрослых функций. Это определялось и фактором простого выжива-

ния в военном повседневье. Наши информанты, определяя свой статус на войне, постоянно говорили о повышении меры требований к ним и ответственности.

И в традиционных, и в современных сообществах внутри страты детей отчетливо выделяются отдельные возрастные группы, как правило, на основе определенных физиологических и психических качеств (умение ходить, разговаривать, наступление физиологической зрелости и пр.). Переход из одной группы в другую был связан с изменением возрастных символов и атрибутов, а также сменой внутрисемейных и внутриобщинных функций и ролей. В городской среде довоенного времени еще сохранялись традиционные способы выделения половозрастных групп внутри детской страты, но все большее значение приобретали дифференцирующие признаки, связанные с официальными внесемейными структурами и организациями. Так, наряду с грудничками появились группы ясельников, детсадовцев (дошколят), младших и старших школьников. Именно связь со школой была определяющей в выделении детских возрастных групп в довоенное время.

Однако война смешала привычные школьные возрастные планки: в период битвы занятий в школах не было, а по окончании военных действий в Сталинграде в одном классе оказывались объединенными дети разных возрастов, так как у многих задерживало возвращение к школьной жизни ранение, частые болезни, вызванные долгим пребыванием в экстремальных условиях, и другие причины. Привычное деление на младших и старших школьников вернется лишь в послевоенное время; до окончания же войны в детской среде будет устойчиво выделяться особо уважаемая и почитаемая группа «пацанов» (подростков 13–15 лет), наиболее активно проявлявшая себя в условиях военного и послевоенного времени, бывшая главной опорой взрослых, но в то же время и пребывавшая в зоне постоянного и чрезвычайного риска. Именно эта группа в наибольшей степени (хотя и по разным причинам) окажется пострадавшей физически и сильно сократившейся численно: «У нас старшекласников почти не было. Их всех поубивали абсолютно. Пацанов» [29].

В условиях войны эта группа отличалась особой сплоченностью, склонностью к весьма рискованным предприятиям; именно на ее плечи легла основная забота о младших детях и матерях; они нередко оказывали ценную помощь советским войскам. В послевоенное время система ценностей и нормы поведения, выработанные внутри этой половозрастной группы, станут основой для формирования уличной (дворовой) субкультуры города. Ощущение собственной причастности великой битве они будут сохранять и в более взрослом возрасте, проявляя приобретенный в период войны дух вполне боевого братства: «*Мы ж пацаны, дети Сталинграда. У нас любимое: “Кто на сталинградцев?!” В армии, да везде нас уважали. Вспоминаю, какая была дедовщина: “Да я сталинградский, ах, ты..!”*» [16].

Женщины-информанты, соглашаясь с тем, что мальчишки военного времени были хулиганами, давали позитивную оценку этому качеству: «*Ну, конечно, мальчишки тогда хулиганами были. А иначе им и нельзя было. Отчаянность и приводила к победе*» [21].

Еще одну группу риска, но в силу совершенно других причин, составляли грудные дети. Период младенчества в условиях войны нередко оказывался сильно сокращенным или даже полностью аннулированным за счет резкого уменьшения времени грудного вскармливания: «*В войну мы все быстро повзрослели. Независимо от возраста. Все повзрослели. Разве ребенок поймет, что кушать нечего маме дать? Вот она этот хлебушек прожует ему и даст, он же маленький. В груди у нее нет молока, кормить то ей нечем*» [23]. Шансы на выживание грудных детей в условиях военного Сталинграда были очень невелики.

По мнению наших информантов, наилучшие перспективы на выживание в военном Сталинграде имели дети от 3–4 лет, выделявшиеся, соответственно, в определенную группу тех, чья психика была лучше защищена от ужасов войны: «*Если б мы не были детьми, нам бы страшно было. Но мы были дети, и нам не страшно было. Как-то воспринятие, вот взять сейчас дитя 3–4 года. Ну, скажут война, ну, убивают, ну, и все. Мое мнение вот такое. Если б мы*

были взрослее – да. А когда мы видели, что убивают, что бомбят, что клочья летят от людей, не было такого в детстве страха. И если б возраст был побольше, нас бы не было, мы бы подорвались где-нибудь. На минах лазили бы и по оврагам. Так что хорошо, что маленькие. А которые побольше, море погибло. Потому, что лазили, в помещения залазили, а там снаряды, оказывается, а там мины, заминировано было. Все взлетело – и все. Поэтому, возраст был такой, не такой активный» [22]. Именно эта группа детей сумела сочетать собственно детские модели поведения с заимствованными у взрослых и выработала наиболее оптимальные адаптационные механизмы, направленные на сохранение как жизни, так и детской психики.

Стирание границ детства проявлялось и во внешнем виде детей военного Сталинграда. Исчезали, например, различия в одежде взрослых и детей, стирались половые различия между детьми (многие были острижены наголо); почти не имела половых различий одежда: «*Моя старшая сестра работала на овощной базе. Как сейчас помню: она одевалась в солдатский бушлат, который ей был ниже колен, и солдатские сапоги*» [45, с. 123]; «*Они (наши солдаты) объяснили мне, как по оврагу пробраться к Волге, попасть к своим. Надели на меня две фуфайки, которые сняли с убитых солдат (одну рукавами на ноги, а другую на руки), замотали ремнями*» [3, с. 18]; «*У меня были чудесные волосы, чудесные косы. И вот, чтобы у нас букашки не завелись, мама стригла нас налысо. А ни машинки, ничего нету, и она стригла ножницами. Вот представляете, какие у нас головы были. Мыла нет, и золой нас посыпали, что только не делали, лишь бы вши не заводились*» [28].

Вместе с тем в условиях пребывания детей на территории жесточайшего военного сражения и страха матерей потерять их появился новый атрибут сталинградского детства – надписи на руках и спине с указанием имен и адресов: «*Я знаю, что у нас было что-то типа торбочек, где лежали наши вещи, и еще, на спине и на руках у нас были написаны химическим карандашом имена и адреса*» [20]. Тем, кто оказался на терри-

тории, захваченной врагом, факт принадлежности к самой незащищенной категории мирных жителей не давал никаких гарантий сохранения жизни, и тогда появлялся новый атрибут – налобная повязка со словом «тиф»: *«А еще во время войны, до того, как сестру забрали, мать привязывала на лбы нам белые веревки и “тиф” писала. Немцы тифа боялись. Вот этим удержались мы. Да, они понимали слово “тиф”, очень боялись»* [15].

Общими признаками детей, переживших Сталинградское сражение, стали: дистрофия, проблемы с речью (заикание, молчаливость), своеобразие психических реакций: *«Среди оставшихся в живых мирных жителей были и дети. Изможденные голодом и жаждой, они представляли печальное зрелище. Каждое ребрышко, каждый позвонок, каждый сустав выступал под кожей. Глаза, глубоко ввалившиеся в глазницы, выражали недетскую печаль и страх. Эти дети не могли громко говорить, разучились смеяться»* [4, с. 13]; *«Все события и лишения дали о себе знать: у меня наступила полная дистрофия, отнялся язык и я перестала ходить»* [36, с. 107].

Особенности детского восприятия войны

Предполагая выявить особенности детского восприятия войны, мы исходим из уже наработанного опыта подобных исследований отечественных ученых, фиксирующих отрывочность и выборочность их воспоминаний; стирание или смещение временных и пространственных рамок; преобладание сенсорной памяти над когнитивной; влияние последующих событий в жизни наших интервьюеров на их детские воспоминания [39, с. 231]. Говоря о психологических особенностях детского запоминания и воспоминания, М.Н. Потемкина указывает на чувственное восприятие мира и особое развитие сенсорной памяти, когда в первую очередь фиксируются цвета, запахи и пр. Дети Сталинграда постоянно вспоминали запахи войны: *«Очень долго оставался запах земли, в которой мы жили»; «горело зерно, запах горелого зерна – это страшно»; «первый запах войны – пожарище и этот запах*

жареного мяса»; «Из самой войны помню острый приторный запах разложившихся тел, противный запах от горевших трупов, гари, запах этот несло из центра города с Волги»; «Причем запах у меня с детства остался, вот немцы и румыны – другой запах абсолютно. Абсолютно разный, по-другому пахнет»; «...я шла в этот магазин, и этот хлебный запах еще был издали, тогда же был натуральный хлеб. Запах этот хлебный был по всему поселку».

О фрагментарности, отрывочности своих впечатлений о войне говорили те из наших информантов, кто пережил ее в самом раннем возрасте: *«Все события входили в сознание со стремительной быстротой, оставляя в нем калейдоскоп порой не связанных друг с другом воспоминаний»* [36, с. 62]; *«А потом как на фотопленке отпечатались в памяти отдельные моменты, поразившие своей необычностью детский разум: на земле вся в крови бабушка, а мама плачет; дедушка в огненной одежде; страшно трещит горящий дом; дедушка молчит, и его зачем-то засыпают землей; красное-красное небо; очень жарко; какая-то странная младшая сестренка у мамы на руках (она была мертва); хочется кушать, а мама не дает и сама все плачет, плачет, плачет...»* [там же, с. 106].

Особенности детского восприятия мира на материалах воспоминаний о войне попыталась определить немецкая исследовательница Франки Маубах, оперирующая понятием «детский мир переживаний», в котором последние создают взаимосвязь между смыслом и пониманием, прокладывая тем самым путь к опыту [34, с. 153]. По мнению исследовательницы, мир детских переживаний «не вполне структурирован и упорядочен, он хаотичен, как и сам окружающий мир».

То, что взрослый мир в период войны нередко уподобляется хаосу, – тезис, с которым можно согласиться (хотя Ф. Маубах называет хаотичным весь окружающий нас мир независимо от ситуации), но утверждение о хаотичности мира переживаний ребенка вызывает удивление, так как в этом случае придется говорить об абсолютной его патологичности. Меж тем, как показывают собранные нами материалы, дети проявляли удивитель-

ные способности как раз к упорядочиванию этого «сошедшего с ума» мира, но делали это особыми (отличными от взрослых) методами и способами.

Православный священник Ярослав Шипов в рассказе о послевоенном детстве так описал первый опыт встречи детей со смертью (случайной гибелью на воде): *«А через несколько дней хоронили Юрку. Событие это представлялось несформировавшемуся сознанию Сережи Белова вовсе не тем, чем оно было на самом деле: смешанное чувство восторга и ужаса от сопричастности непостижимому таинству владело мальчиком»* [43, с. 486].

В этой ситуации писателем-священником схвачено главное: смерть представлялась мальчику не тем, чем она была для взрослых, – диким и нелепым случаем. Детское переживание отмечает то, что свойственно взрослому сознанию (нежелание примириться с нелепостью ухода из жизни совсем юного существа), и приближается к самой сути происходящего как великого и «непостижимого таинства».

Очень близко к такой трактовке особенностей детского восприятия мира воспоминание о военном детстве Ф.П. Смирнова: *«Был ли у нас, детей, страх? Какой-то, видимо, был, но мы воспринимали жизнь таковой, какой она была. Детство не может сравнивать, негодовать, требовать другого. Оно беззащитно и воспринимает все, как есть»* [36, с. 39]. В словах «воспринимает все, как есть» можно найти указание на отсутствие у детей жизненного опыта, а можно усмотреть и указание на способность детей постигать истинный смысл событий и явлений именно благодаря отсутствию (или скудости) этого опыта, который нередко скорее отодвигает нас от истины, чем приближает к ней. Далее в воспоминаниях Ф.П. Смирнова читаем: *«Грелись, как могли, пухли от голода и, не знаю почему, но без конца по соседству ходили глядеть на умерших ровесников. Было как-то не по себе, что вчера девчонка или мальчишка еще резвились с нами, а завтра мы видели их мертвыми»*. На несформулированный вопрос («не знаю, почему») вполне можно ответить вышеприведенными словами

священника Я. Шипова: тянуло к себе непостижимое таинство.

Правда, после этих цитат тут же всплывают в памяти вполне современные картинки, растиражированные СМИ, на которых жители военного Белграда ходят на развалины домов, чтобы сфотографироваться на их фоне. Имеет это отношение к состоянию сознания взрослых людей, подобного детскому, или в этом случае мы имеем дело с явной патологией? Ответ кажется очевидным: если детское сознание, минуя разрывы хаоса, пытается постичь самую тайну смерти, то сознание взрослых обывателей иногда увязает в этом хаосе (в каком-то смысле уподобляется ему) и не видит смерти (равно как и чужих страданий) за развалинами разбомбленного дома, а потому позволяет делать снимок на память на «экзотическом фоне».

Все вышесказанное отнюдь не отрицает того, что детское восприятие строится, прежде всего, на чувственных переживаниях и его особенности во многом обусловлены отсутствием опыта, например знания о том, что бомбежка несет с собой смерть, а смерть – навсегда: *«А я продолжала смотреть бомбежку, мне что-то не страшно было, а интересно, как это все делается. Вот только что все было, и куда что делось. Появился пароход, на нем беженцы с детьми, и вдруг его не стало, я даже не плакала, а удивлялась этому»* [1, с. 121]; *«Я туда тоже заходила, там четыре гроба стояло, и страха никакого не было. Ну, наверное, не понимала еще в этом возрасте. Поэтому и не боялась»* [24].

Некоторые из сталинградских мальчишек в период бомбовых ударов, несмотря на запреты взрослых, старались покинуть укрытия и наблюдали за воздушным боем. Это явление как будто вписывается в феномен, названный исследователями военного детства «эстетизацией бомбовой войны» [34, с. 154–157]. В некоторых детских воспоминаниях бомбежки (о которых дети ранее ничего не знали) описываются как чудесное, красочное зрелище, «которое притягивает и очаровывает» [там же, с. 155]. Отметим, однако, что термин «эстетизация» означает не только придание чему-либо красивой внешней формы, но и чрезмерную эстетическую идеализацию

чего-либо, приукрашивание происходящего. Нам не удалось увидеть в собранных нами детских воспоминаниях о бомбежках «приукрашивания» или «идеализации»; речь, скорее, должна идти об отсутствии в детском сознании понимания причинно-следственных связей, способных увязать падающие бомбы с возможной смертью. Скорее, в детских воспоминаниях воспроизводится способность детей «воспринимать все, как есть» или увязывать непонятные явления со своим небогатым пока опытом: «...и один раз брат кричит: “Утки летят! Утки летят!”, а это летели самолеты, вот так вот много! Мы вышли, и начали кидать бомбы в районе Мамаева!» [12]; «Мне говорили, что я с кочергой бегала за этим, самолет летит, а я бежала. Значит что, это папу убили. А я с кочергой бежала за самолетом» [17].

Именно особое, детское восприятие войны и ее конкретных проявлений, основанное на непонимании причинно-следственных связей, выступало в качестве одного из элементов защитного механизма детской психики. Эта мысль так озвучена нашим информантом: «Даже, может быть, мы перенесли эту войну, потому что детство было» [30].

Наряду с этим вырабатывались и другие элементы, составившие в комплексе особый механизм адаптации к экстремальным условиям, который включал в себя и опыт собственно детскости, и возврат к традиционным практикам отвергнутой взрослыми патриархальности, и другие элементы, о которых речь пойдет в дальнейших исследованиях. В ситуации экстремальности и оставленности властями мирное население Сталинграда, состоящее из женщин и детей, вынуждено было решать проблему выживания самостоятельно, и, как показывают наши материалы, детские практики выживания нередко оказывались более продуктивными, нежели те, что могли предложить взрослые.

В рамках данной статьи не удастся рассмотреть все аспекты большой проблемы «дети и война». Безусловно, нуждаются в детальном исследовании проблемы детской военной повседневности, образы детских страхов и формы их преодоления, коммуникативные практики с военнослужащими (советскими и немецкими), гендерные разли-

чия в восприятии войны и способах освоения военного насилия детьми. Наконец, существуют значительные различия в опыте проживания, осознания и вспоминания войны детей-сирот, детей – узников концлагерей, тех, кто воевал, будучи несовершеннолетним, или был эвакуирован. Дальнейшие исследования, безусловно, откроют новые грани антропологии военного детства, но уже имеющиеся наработки со всей очевидностью свидетельствуют о том, что дети в пространстве войны не были лишь безучастными ее жертвами, а выступали в качестве носителей собственных стратегий и практик выживания, вырабатывали свои адаптационные механизмы и системы ценностей, помогавшие справляться с экстремальными ситуациями на войне и преодолевать их последствия в послевоенное время.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 14-31-12036 «Дети и война: культура повседневности, механизмы адаптации, стратегии и практики выживания в условиях Великой Отечественной войны».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. «...и горела Волга». Оставшиеся в живых сталинградцы вспоминают. – Волгоград : Издатель, 2004. – 291 с.
2. Безрогов, В. Г. Воспоминания как источник по истории детства / В. Г. Безрогов // Педагогическая антропология и история детства. – М. : Изд-во УРАО, 2001. – С. 65–78.
3. Воспоминания детей военного Сталинграда. – М. : Знак, 2010. – 208 с.
4. Вторая мировая война в детских «рамках памяти». – Краснодар : Экоинвест, 2010. – 378 с.
5. Дети военной поры / сост. Э. Максимова. – М. : Политиздат, 1988. – 319 с.
6. Жазекель, Ж.-Э. Дети-солдаты в Африке: единичное явление? Необходимость исторического взгляда / Ж.-Э. Жазекель. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0605-jezequel-RU-2.pdf>. – Загл. с экрана.
7. Заднепровская, Л. Д. Забота партии и правительства о детях в годы Великой Отечественной войны / Л. Д. Заднепровская // Вместе с армией и народом. – Волгоград : ВСШ МВД СССР, 1970. – С. 64–80.

8. Запись Рыбловой М.А. в поликлинике № 4 г. Волгограда. – Волгоград, 2009.
9. Интервью с Воронцовой Е. И., 1931 г. р., г. Сталинград : записала Попкова Е. А., 08.07.2013 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
10. Интервью с Ждановой К. Ф., 1937 г. р., г. Сталинград : записала Шутова К. К., 07.04.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
11. Интервью с Забелиной Т. В., 1941 г. р., г. Сталинград : записала Атрашенко Е., 06.06.2013 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
12. Интервью с Зайцевой Н. Н., 1936 г. р., г. Сталинград : записала Шутова К. К., 12.03.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
13. Интервью с Ивахненко А. И., 1932 г. р., г. Сталинград : записала Смирнова Ю. В., апр. 2014 г. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
14. Интервью с Казменкиной И. К., 1928 г. р., г. Сталинград : записала Михеева Е. А., 11.07.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
15. Интервью с Калимуловой Р. Я., 1938 г. р., г. Сталинград : записала Шутова К. К. 17.03.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
16. Интервью с Коняхиным К. В., 1934 г. р., г. Сталинград : записали Байгазова Ю., 24.07.2013 и Фалалеева Л. А., 04.06.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
17. Интервью с Костиной Т. Л., 1938 г. р., г. Сталинград : записала Чижова Я. Ф., 28.03.2014 // Архив Музея казачьего быта ВолГУ.
18. Интервью с Кузнецовым Б. Б., 1937 г. р., г. Сталинград : записала Бондаренко Л. А. ; расшифровка Когитиной А. В., 25.06.2014 // Архив музея «Дети Царицына – Сталинграда – Волгограда».
19. Интервью с Ленниковой Н. А., 1929 г. р., ст-ца Пичужинская : записала Кострыкина Я. С., 22.03.1999 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
20. Интервью с Лопасовой С. М., 1937 г. р., г. Сталинград : записала Смирнова Ю. В., 08.06.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
21. Интервью с Овчинниковой З. Н., 1931 г. р., г. Сталинград : записала Смирнова Ю. В., 28.04.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
22. Интервью с Орудневой (Батуриной) Н. В., 1937 г. р., г. Ленинград : записала Смирнова Ю. В., 20.05.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
23. Интервью с Панченко Ю. Н., 1927 г. р., г. Сталинград : записала Ильина Л. А., 15.05.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
24. Интервью с Рахимкуловой Х. Х., 1937 г. р., г. Сталинград : записала Ткачева В. В., 07.06.2013 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
25. Интервью с Романцовым В. Н., 1934 г. р., г. Сталинград : записала Фалалеева Л. А., 13.07.2014 ; расшифровка Березиной Е. // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
26. Интервью с Румянцевой Е. Г., 1926 г. р., г. Сталинград : записала Смирнова Ю. В., 07.04.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
27. Интервью со Стрижаковой Н. С., 1933 г. р., г. Сталинград : записала Ильина А. Д., 23.06.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
28. Интервью с Трофимовой Р. А., 1936 г. р., г. Сталинград : записала Решетникова Л. М., 27.05.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
29. Интервью с Цивилевой Т. В., 1937 г. р., г. Сталинград : записала Шутова К. К., 07.04.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
30. Интервью с Шапошниковой П. Ф. 1928 г. р., пос. Ерзовка Сталинградской обл. : записала Рыбалкина А. П., 25.06.2014 // Архив музея казачьего быта ВолГУ.
31. Котляр, Э. С. Войной опаленная смена. Очерки о работе молодежи в годы Великой Отечественной войны / Э. С. Котляр. – М. : Высш. шк., 1985. – 207 с.
32. Кринко, Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.) / Е. Ф. Кринко. – Майкоп : Изд-во АГУ, 2000. – 242 с.
33. Кринко, Е. Ф. На грани выживания: детские дома Кубани в 1941–1945 годы / Е. Ф. Кринко, Т. П. Хлынина, И. В. Юрчук // Советская социальная политика: сцены и действующие лица, 1940–1985. – М. : Вариант, ЦСПГИ, 2008. – С. 35–59.
34. Маубах, Ф. Сказки, игры, ролевой обмен: детское освоение военного насилия (1935–1945) / Ф. Маубах // Вторая мировая война в детских «рамках памяти» : сб. науч. ст. – Краснодар : Экоинвест, 2010. – С. 147–177.
35. Молодые герои Великой Отечественной войны / сост. В. Быков. – М. : Молодая гвардия, 1970. – 512 с.
36. Мы родом из войны. Дети военного Сталинграда вспоминают. – Волгоград : Издатель, 2004. – 144 с.
37. Павлова, Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве / Т. А. Павлова. – Волгоград : Перемена, 2005. – 593 с.
38. Пионеры-герои / сост. В. Зуенок, А. Рокош, П. Ткачев. – Минск : Беларусь, 1972. – 264 с.
39. Потемкина, М. Н. Отражение войны в памяти эвакуированных детей / М. Н. Потемкина // Вторая мировая война в детских «рамках памяти». – Краснодар : Экоинвест, 2010. – С. 229–248.
40. Рабжаева, М. В. Семья в русском обществе: исторический и социокультурный анализ / М. Н. Рабжаева – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.gender-cent.gyazan.ru/rabzhaeva1.htm>. – Загл. с экрана.
41. Рыблова, М. А. «Играют мальчики в войну»: игра как способ освоения детьми пространства войны / М. А. Рыблова, М. П. Назарова // Вестник Вол-

гоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2014. – № 3 (27). – С. 105–116.

42. Сальникова, А. А. «Детский текст» и детская память в «эпоху катастроф» / А. А. Сальникова // Век памяти, память века: Опыт обращения с прошлым в 20 столетии : сб. ст. – Челябинск : Камен. пояс, 2004. – С. 413–430.

43. Священник Ярослав Шипов. «Райские хутора» и другие рассказы / священник Ярослав Шипов. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2012. – 624 с.

44. Сеницын, А. М. Забота о безнадзорных и беспризорных детях в СССР в годы Великой Отечественной войны / А. М. Сеницын // Вопросы истории. – 1969. – № 6. – С. 20–29.

45. Сталинградское детство. 23 августа 1942 года... – Волгоград : Царицын. полиграф. компания, 2013. – 136 с.

46. Сурдутович, А. Как это было / А. Сурдутович. – Волгоград : Издатель, 2012. – 94 с.

47. Хлынина, Т. П. «Кадры из военного детства: о чем и как вспоминают очевидцы Великой Отечественной в преддверии юбилея Победы» / Т. П. Хлынина // Знаки войны в жизни и памяти: влияние вооруженных конфликтов XX века на российское общество : сб. ст. – Ростов н/Д : Foundation, 2014. – С. 178–190.

48. Knopp, C. Hitlers Kinder / C. Knopp. – München : C. Bertelsmann Verlag, 2000. – 383 S.

49. Lorenz, H. Kriegskinder. Das Schicksal einer Generation / H. Lorenz. – München : List Verlag, 2003. – 304 S.

50. Radebold, H. Abwesende Väter. Folgen der Kriegskindheit in Psychoanalysen / H. Radebold. – Göttingen : Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. – 249 S.

51. Stargart, N. «Maikäfer flieg!» Hitlers Krieg und die Kinder / N. Stargart. – München : Deutsche Verlags-Anstalt, 2006. – 608 S.

52. Mann, E. Zehn Millionen Kinder: Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich / E. Mann. – Reinbek bei Hamburg : Rowohlt, 1997. – 220 S.

53. Werner, E. Unschuldige Zeugen. Der Zweite Weltkrieg in den Augen von Kindern / E. Werner. – Hamburg, Wien : Europa Verlag, 2001. – 318 S.

REFERENCES

1. "...i gorela Volga". *Ostavshiesya v zhivyykh stalingradtsy vspominayut* ["...and Volga Burned". Recollections by Survived Citizens of Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2004. 291 p.

2. Bezrogov V.G. *Vospominaniya kak istochnik po istorii detstva* [Recollections as a Source of

Childhood History]. *Pedagogicheskaya antropologiya i istoriya detstva* [Pedagogical Anthropology and History of Childhood]. Moscow, URAO Publ., 2001, pp. 65-78.

3. *Vospominaniya detey voennogo Stalingrada* [Recollections by Children of Wartime Stalingrad]. Moscow, Znack Publ., 2010. 208 p.

4. *Vtoraya mirovaya vojna v detskikh "ramkakh pamyati"* [The Second World War in Children's "Memory Frames"]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2010. 378 p.

5. Maksimova E., ed. *Deti voennoy pory* [Wartime Children]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 319 p.

6. Zhazekel Zh.E. *Deti-soldaty v Afrike: edinichnoe yavlenie? Neobkhodimost istoricheskogo vzglyada* [Children- Soldiers in Africa: an Occurrence? The Need of Historical View]. Available at: <http://www.diplomatie.gouv.fr/fr/IMG/pdf/0605-jezequel-RU-2.pdf>.

7. Zadneprovskaya L.D. *Zabota partii i pravitelstva o detyakh v gody Velikoy Otechestvennoy vojny* [The Party's and the Government's Care of Children in the Years of the Great Patriotic War]. *Vmeste s armiey i narodom* [Together with the Army and the People]. Volgograd, WSSH MVD SSSR Publ., 1970, pp. 64-80.

8. *Zapis Ryblovoy M.A. v poliklinike no. 4 g. Volgograda* [M.A. Ryblova's Record in the Hospital no. 4. in Volgograd]. Volgograd, 2009.

9. Intervyu s Vorontsovoy E.I., 1931 g.r., g. Stalingrad. *Zapisala Popkova E.A.*, 08.07.2013 [Interview with E.I. Vorontsova, Born in 1931, Stalingrad, Recorded by E.A. Popkova on July 8, 2013]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

10. Intervyu s Zhdanovoy K.F., 1937 g.r., g. Stalingrad. *Zapisala Shutova K.K.*, 07.04.2014 [Interview with K.F. Zhdanova, Born in 1937, Stalingrad. Recorded by K.K. Shutova on April 7, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

11. Intervyu s Zabelinoy T.V., 1941 g.r., g. Stalingrad. *Zapisala Atrashenko E.*, 06.06.2014 [Interview with T.V. Zabelina, Born in 1941, Stalingrad. Recorded by E. Atrashenko on June 6, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

12. Intervyu s Zaytsevoy N.N., 1936 g.r., g. Stalingrad. *Zapisala Shutova K.K.*, 12.03.2014 [Interview with N.N. Zaytseva, Born in 1936, Stalingrad. Recorded by K.K. Shutova on March 12, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the

Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

13. Intervyu s Ivakhnenko A.I., 1932 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Smirnova Yu.V., apr. 2014. [Interview with A.I. Ivakhnenko, Born in 1932, Stalingrad. Recorded by Yu. V. Smirnova in April 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

14. Intervyu s Kazmenkinoy I.K., 1928 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Mikheeva E.A., 11.07.2014 [Interview with I.K. Kazmenkina, Born in 1928, Stalingrad. Recorded by E.A. Mikheeva on July 11, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

15. Intervyu s Kalimulovoy R.Ya., 1938 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Shutova K.K., 17.03.2014 [Interview with R.Ya. Kalimulova, Born in 1938, Stalingrad. Recorded by K.K. Shutova on March 17, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

16. Intervyu s Konyakhinym K.V., 1934 g.r., g. Stalingrad. Zapisali Baygazova Yu., 24.07.2013 i Falaleeva L.A., 04.06.2014 [Interview with K.V.EKonyakhin, Born in 1934, Stalingrad. Recorded by Yu. Baygazova on July 24, 2013 and L.A. Falaleeva on June 4, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

17. Intervyu s Kostinoy T.L., 1938 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Chizhova Ya.F., 28.03.2014 [Interview with T.L. Kostina, Born in 1938, Stalingrad. Recorded by Ya.F. Chizhova on March 28, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

18. Intervyu s Kuznetsovym B.B., 1937 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Bondarenko L.A., rasshifrovka Kogitinoy A.V., 25.06.2014 [Interview with B.B. Kuznetsov, Born in 1937, Stalingrad. Recorded by L.A. Bondarenko, Decoded by A.V. Kogitina, June 25, 2014]. *Arkhiv muzeya "Deti Tsaritsyna-Staligrada-Volgograda"* [The Archive of the Museum "Children of Tsaritsyn-Stalingrad-Volgograd"].

19. Intervyu s Lennikovoy N.A., 1929 g.r., stanitsa Pichuzhinskaya. Zapisala Kostrykina Ya.S., 22.03.1999 [Interview with N.A. Lennikova, Born in 1929, Pichuzhinskaya Village. Recorded by Ya.S. Kostrykina on March 22, 1999]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

20. Intervyu s Lopaevoy S.M., 1937 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Smirnova Yu.V., 08.06.2014 [Interview with S.M. Lopaeva, Born in 1937, Stalingrad.

Recorded by Yu.V. Smirnova on June 8, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

21. Intervyu s Ovchinnikovoy Z.N., 1931 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Smirnova Yu.V., 28.04.2014 [Interview with Z.N. Ovchinnikova, Born in 1931, Stalingrad. Recorded by Yu.V. Smirnova on April 28, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

22. Intervyu s Orudnevoy (Baturinoy) N.V., 1937 g.r., g. Leningrad. Zapisala Smirnova Yu.V., 20.05.2014 [Interview with N.V. Orudneva (Baturina), Born in 1937, Stalingrad. Recorded by Yu. V. Smirnova, May 20, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

23. Intervyu s Panchenko Yu.N., 1927 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Ilyina L.A., 15.05.2014 [Interview with Yu.N. Panchenko, Born in 1927, Stalingrad. Recorded by L.A. Ilyina on May 15, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

24. Intervyu s Rakhimkulovoy Kh.Kh., 1937 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Tkacheva V.V., 07.06.2013 [Interview with Kh.Kh. Rakhimkulova, Born in 1937, Stalingrad. Recorded by V.V. Tkacheva on June 7, 2013]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

25. Intervyu s Romantsovym V.N., 1934 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Falaleeva L.A., 13.07.2014.; rasshifrovka Berezinoy E. [Interview with V.N. Romantsov, Born in 1934, Stalingrad. Recorded by L.A. Falaleeva, Decoded by E. Berezina, July 13, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

26. Intervyu s Rumyantsevoy E.G., 1926 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Smirnova Yu.V., 07.04.2014 [Interview with E.G. Rumyantseva, Born in 1926, Stalingrad. Recorded by Yu. V. Smirnova on April 7, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

27. Intervyu so Strizhakovoy N.S., 1933 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Ilyina A.D., 23.06.2014 [Interview with N.S. Strizhakova, Born in 1933, Stalingrad. Recorded by A.D. Ilyina, June 23, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

28. Intervyu s Trofimovoy R.A., 1936 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Reshetnikova L.M., 27.05.2014

[Interview with R.A. Trofimova, Born in 1936, Stalingrad. Recorded by L.M. Reshetnikova on May 27, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

29. Intervyu s Tsivilevoy T.V., 1937 g.r., g. Stalingrad. Zapisala Shutova K.K., 07.04.2014 [Interview with T.V. Tsivileva, Born in 1937, Stalingrad. Recorded by K.K. Shutova on April 7, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

30. Intervyu s Shaposhnikovoy P.F., 1928 g.r., poselok Erzovka Stalingradskoy oblasti. Zapisala Rybalkina A.P., 25.06.2014 [Interview with P.F. Shaposhnikov, Born in 1928, Erzovka Village of Stalingrad Oblast. Recorded by A.P. Rybalkina on June 25, 2014]. *Arkhiv muzeya kazachyego byta VolGU* [The Archive of the Museum of Cossacks Life of Volgograd State University].

31. Kotlyar E.S. *Voynoy opalennaya smena. Ocherki o rabote molodezhi v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Generation Scorched by War. Essays on the Work of Young People During the Great Patriotic War]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1985. 207 p.

32. Krinko E.F. *Zhizn za liniey fronta: Kuban v okkupatsii (1942-1943 gg.)* [Life Beyond the Front Line: Kuban in the Occupation (1942-1943)]. Maikop, AGU Publ., 2000. 242 p.

33. Krinko E.F., Khlynina T.P., Yurchuk I.V. Na grani vyzhivaniya: detskie doma Kubani v 1941-1945 gody [On the Verge of Surviving: Children's Homes in Kuban in 1941-1945]. *Sovetskaya sotsialnaya politika: stsena i deystviyushchie litsa, 1940-1985* [Soviet Social Policy: Scenes and Characters, 1940-1985]. Moscow, Variant Publ., TsSPGI Publ., 2008, pp. 35-59.

34. Maubakh F. Skazki, igry, rolevoy obmen: detskoe osvoenie voennogo nasiliya (1935-1945) [Stories, Games, Role Exchange: Children Adaptation to Military Violence (1935-1945)]. *Vtoraya mirovaya voyna v detskikh "ramkakh pamyati"* [The World War II in Children's "Memory Frames"]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2010, pp. 147-177.

35. Bykov V., ed. *Molodye geroi Velikoy Otechestvennoy voyny* [Young Heroes of the Great Patriotic War]. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 1970. 512 p.

36. *My rodom iz voyny. Deti voennogo Stalingrada vspominayut* [We Came out of the War. Recollections by the Children of Wartime Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2004. 144 p.

37. Pavlova T.A. *Zasekrechennaya tragediya: grazhdanskoe naselenie v Stalingradskoy bitve* [Secret Tragedy: Civilians in the Stalingrad Battle]. Volgograd, Peremena Publ., 2005. 593 p.

38. Zuenok V., Rokash A., Tkachev P., eds. *Pionery-geroi* [Pioneers-Heroes]. Minsk, Belarus Publ., 1972. 264 p.

39. Potemkina M.N. Otrazhenie voyny v pamyati evakuirovannykh detey [The Reflection of the War in the Memory of Evacuated Children]. *Vtoraya mirovaya voyna v detskikh "ramkakh pamyati"* [The World War II in Children's "Memory Frames"]. Krasnodar, Ekoinvest Publ., 2010, pp. 229-248.

40. Rabzhaeva M.V. *Semya v russkom obshchestve: istoricheskiy i sotsiokulturnyy analiz* [Family in the Russian Society: Historical and Socio-Cultural Analysis]. Available at: <http://www.gender-cent.ryazan.ru/rabzhaeva1>.

41. Ryblova M.A., Nazarova M.P. "Igrayut malchiki v voynu: igra kak sposob osvoeniya detmi prostranstva voyny" ["Boys Play War": Game as a Way of Mastering the Space of War by Children]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo Universiteta. Seriya 4, Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2014, no. 3 (27), pp. 105-116.

42. Salnikova A.A. "Detskiy tekst" i detskaya pamyat v "epokhu katastrof" ["Children's Text" and the Children's Memory in "the Age of Catastrophe"]. *Vek pamyati, pamyat veka: Opyt obrashcheniya s proshlym v 20 stoletii. Sbornik statey* [The Century of Memory, the Memory of Century: the Experience of Dealing With the Past in the 20th Century. Collected Papers]. Chelyabinsk, 2004, pp. 413-430.

43. Svyashchennik Yaroslav Shipov. "Rayskie khutora" i drugie rasskazy ["Paradise Hamlets" and Other Stories]. Moscow, Izd-vo Sretenskogo Monastyrya, 2012. 624 p.

44. Sinitsyn A.M. Zabota o beznadzornykh i besprizornykh detyakh v SSSR v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Taking Care of Neglected and Homeless Children in the USSR During the Great Patriotic War]. *Voprosy istorii*, 1969, no. 6, pp. 20-29.

45. *Stalingradskoe detstvo. 23 avgusta 1942 goda...* [Stalingrad Childhood. August 23, 1942...]. Volgograd, Tsaritsynskaya poligraficheskaya kompaniya Publ., 2013. 136 p.

46. Surdutovich A. *Kak eto bylo* [How It Was]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 94 p.

47. Khlynina T.P. "Kadry iz voennogo detstva": o chem i kak vspominayut ochevidtsy Velikoy Otechestvennoy v preddverii yubileya Pobedy [Images From Military Childhood: What About and How Do Eye-Witnesses of the Great Patriotic War Recall on the Eve of the Victory's Jubilee]. *Znaki voyny v zhizni i pamyati: vliyaniye vooruzhennykh konfliktov 20 veka na rossiyskoye obshchestvo* [Signs of War in the Life and Memory: Influence of Armed Conflicts of

the 20th Century on the Russian Society]. Rostov-on-Don, Foundation Publ., 2014, pp. 178-190.

48. Knopp C. *Hitlers Kinder* [Hitler's Children]. München, C. Bertelsmann Verlag, 2000. 383 p.

49. Lorenz H. *Kriegskinder. Das Schicksal einer Generation* [War Children. The Fate of a Generation]. München, List Verlag, 2003. 304 p.

50. Raebold H. *Abwesende Väter. Folgen der Kriegskindheit in Psychoanalysen* [Absent Fathers. Consequences of the War Childhood in Psychoanalysis]. Gottingen, Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. 249 p.

51. Stargart N. *“Maikäfer flieg!” Hitlers Krieg und die Kinder* ["Cockchafer Fly!" Hitler's War and the Children]. München, Deutsche Verlags-Anstalt, 2006. 608 p.

52. Mann E. *Zehn Millionen Kinder: Die Erziehung der Jugend im Dritten Reich* [Ten Million Children: the Education of Youth in the Third Reich]. Reinbek bei Hamburg, Rowohlt, 1997. 220 p.

53. Werner E. *Unschuldige Zeugen. Der Zweite Weltkrieg in den Augen von Kindern* [Innocent Witnesses. The Second World War in the Eyes of Children]. Hamburg, Wien, Europa Verlag, 2001. 318 p.

“CHILD’S TERRITORY” IN THE SPACE OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (ON THE MATERIALS OF STALINGRAD BATTLE)

Ryblova Marina Aleksandrovna

Doctor of Sciences (History),

Leading Researcher of the Southern Scientific Center of RAS

ryblova@mail.ru

Prosp. Chekhova, 41, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The paper presents the history of “children and war” problem and highlights the tasks of its further anthropologic research. On the basis of recollections of people whose childhood fell on the period of Stalingrad battle, the author gives the general definition to the notion of wartime childhood, reveals its age limits and the main age groups within children stratum. The author also assesses children’s conditions during the war (status, role, risks) and determines the peculiarities of war perception by children as well as the ways of adjusting to life in the period of the Stalingrad Battle.

The problem of children and war is studied in terms of two aspects: the anthropology of extreme situations (war and catastrophes), and the anthropology of age (childhood). The article covers the history of children and war issue development and formulates the goals of further anthropological research of the problem. The research should be based on interdisciplinary approach. Not only history, psychology and anthropology itself can be valuable in such kind of research. The methods of cultural, ethnographical and even linguistic studies should also be taken into account.

The author also formulates the goals of further research such as children’s wartime daily routine, child’s fears and ways of overcoming them, communication practices with the military (Soviet and German), gender differences in war perception, and children’s adaptation to war violence.

Key words: anthropology of wartime childhood, conditions of formation and specifics of “child’s territory” in the space of war, age groups limits, peculiarities of war perception by children, children’s strategies and practices of survival during the war.